

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus! — дружно раздалось 8-го февраля на обѣдѣ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета за истекшее пятидесятилѣтіе, бывшихъ университетскихъ юношей, начиная съ 1823 года по 1868 г. вѣлчительно. Въ 50 лѣтъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, входившихъ въ университетскую дверь, другою дверью въ общество вошло, если взять за среднюю цифру около 100 человѣкъ въ годъ, до 5,000 человѣкъ; изъ этихъ 5,000 собралось на обѣдъ около 700 лицъ, представлявшія собою нѣсколько десятковъ ступеней текущаго вѣка. Какъ шли они другъ за другомъ въ жизни, такъ и за столомъ слѣдовали выпускъ за выпускомъ, составляя непрерывную и живую цѣпь, которую можно было бы назвать «танцемъ жизни». Каждый подходилъ къ столу своего года, и предъ нимъ являлись тѣже самыя лица, съ которыми онъ 10, 20, 30 и 40 лѣтъ назадъ сидѣлъ четыре года въ одной и той же аудиторіи, на одной скамьѣ. Многимъ случалось впервые увидѣться за столомъ, послѣ студентскаго прощанья, когда судьба разсѣяла ихъ по лицу земли. Однимъ словомъ, обѣденное зало обратилось на этотъ часъ въ живой отчетъ о дѣятельности университета за полувѣковое его существованіе, которымъ можно было утѣшиться послѣ отчета, прочтеннаго въ этомъ же залѣ, утромъ того же дня, профессоромъ Андреевскимъ. Вообще, празднество юбилея, во всемъ томъ, что совершилось независимо отъ совѣта университета, представляетъ много искренняго, задушевнаго и теплаго, начиная съ самаго рескрипта; все же прочее носило на себѣ печать оффиціальности, натянутости, а что касается до упомянутаго отчета, то, какъ мы увидимъ, всѣ были поражены его тономъ фельетона и безтактностью, чтобъ не сказать чего-нибудь хуже. Конечно, этотъ отчетъ имѣлъ своего сочинителя, но разъ принятый, про-

чтенный и одобренный совѣтомъ, онъ можетъ считаться выраженіемъ мысли по крайней мѣрѣ его большинства. Официальность въ празднествѣ была даже не совсѣмъ умѣлою: мы, напримѣръ, не замѣтили, чтобы была выбита медаль въ память этого дня, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ. Нельзя объяснить это скромностью современныхъ намъ профессоровъ, такъ какъ въ финалѣ отчета они превознесли себя до небесъ, а въ газетѣ «Голосъ», передовая статья, весьма похожая на краткое изложеніе того отчета, извѣстила насъ, что нынѣшніе студенты не то, что прежніе, какъ наприм., начала шестидесятыхъ годовъ, и дѣлаютъ такіе успѣхи, подъ руководствомъ нынѣшнихъ профессоровъ, что «студенты второго курса рѣшаютъ вопросы, которые были бы не подъ силу иному западному ученому». Однимъ словомъ, многимъ профессорамъ петербургскаго университета, не рѣшающимъ такихъ вопросовъ, которые были бы не подъ силу западнымъ ученымъ — ничего послѣ этого не остается, какъ уступить свое мѣсто студентамъ второго курса. Вотъ чтò можно назвать настоящимъ популярничаньемъ! Почтенная редакція «Голоса» не могла воздержаться отъ изумленія, печатая такое извѣстіе, лишенное здраваго смысла, однако напечатала, хотя съ оговоркой. Золотыя и серебряныя медали, розданныя на актѣ, конечно, свидѣтельствуютъ о домашнихъ работахъ студентовъ; на нынѣшнемъ актѣ, два сына профессора Срезневскаго получили каждый по медали, и возбудили тѣмъ изумленіе, но это изумленіе опять относилось вовсе не къ тому, чтобы молодые люди рѣшали такіе вопросы, какихъ не рѣшаютъ западные ученые.

Если описывать празднество по порядку, то слѣдуетъ начать съ кануна, съ 7-го февраля, когда былъ совершенъ въ университетѣ религиозный обрядъ, а именно панихида по усопшимъ профессорамъ и студентамъ. Все это въ порядкѣ вещей; но оказалось, что распорядители тѣмъ только и ограничились въ отношеніи усопшихъ, и въ отчетѣ прошли почти молчаніемъ дѣятельность и время такихъ людей, какими были для университета Евг. П. Ковалевскій и П. А. Плетневъ, занимавшій почти 20 лѣтъ сряду постъ ректора университета; въ отсутствіе послѣдняго за границею, когда за него исправлялъ должность ректора профессоръ Срезневскій, былъ закрытъ университетъ въ 1861 году; П. А. Плетневъ не пережилъ своего университета и вышелъ въ отставку. Послѣ religiosaго обряда, публика могла осматривать помѣщеніе университета, его аудиторій, музеевъ и т. д.; нельзя не поблагодарить распорядителей за эту подробность программы праздника, такъ какъ теперь университетъ закрытъ для публики, а между тѣмъ намъ, бывшимъ студентамъ, пріятно было хоть взглянуть на ту мѣстность, гдѣ протекали лучшіе дни юности; мысленно населяли мы знакомыя аудиторіи своими сверстниками, своими профессорами, вспоминали тѣ годы, когда, наприм., у одного профессора Костома-

рова собиралось слушателей столько, сколько теперь студентовъ въ цѣломъ университетѣ. При этомъ внѣшнемъ обзорѣ мы съ удовольствіемъ увидѣли, что университетъ въ послѣдніе годы живетъ не на прежніе скромныя средства: благодаря новымъ штатамъ, утвержденнымъ при бывшемъ министрѣ Головинѣ, университетъ весьма обогатился своими научными средствами. По поводу юбилея, Государь Императоръ внесъ новое живое богатство открытіемъ 100 щедрыхъ стипендій; при этомъ остается только пожелать, чтобы выборъ молодыхъ людей былъ дѣланъ по всей справедливости, и чтобы городскіе слухи, будто иногда профессора (нынѣшніе профессора пользуются 3,000 руб. содержанія) назначаютъ стипендіатами своихъ сыновей, оказались бы чистою клеветою. Слѣдовало бы даже принять за правило, что стипендіатами можно не назначать тѣхъ, у кого отцы вообще получаютъ до 3,000 рублей, а особенно, если они эту сумму получаютъ отъ этого же самаго университета.

Мы не можемъ, по поводу новыхъ стипендіатовъ, названныхъ императорскими, пройти молчаніемъ тѣхъ мыслей, которыя были возбуждены въ газетѣ «Вѣсть» щедротами монарха. Этотъ органъ явился со внушеніемъ будущимъ стипендіатамъ; а именно, по мнѣнію его, молодые люди, ошачливленные такими стипендіями, должны всегда помнить это и отличатся впослѣдствіи особенною вѣрностью къ Тому, кто ихъ облагодѣтельствовалъ. Мы поняли бы смыслъ этихъ словъ, на примѣръ, во Франціи, гдѣ верховная власть имѣетъ основаніе предполагать въ населеніи массу недовольныхъ, и въ силу того вынуждено прибѣгать къ вербованію приверженцевъ; но у насъ, мораль, проповѣдуемая такимъ образомъ, лишена смысла, и обнаруживаетъ со стороны проповѣдующаго какую-нибудь исключительную потребность поставить на видъ свои намѣренія. Сказать однимъ, что вы должны обнаружить особую привязанность, не значить-ли сказать другимъ: а вы отъ этого свободны. Вотъ къ какимъ, по меньшей степени, неловкостямъ приводитъ мораль, когда морализирующій вовсе не имѣетъ въ виду тѣхъ, къ кому она обращена, а желаетъ только указать на себя, быть можетъ, въ видахъ прикрыться и быть свободнѣе въ распространеніи другихъ идей, не соотвѣтствующихъ проповѣдуемой имъ морали.

Второй день праздника былъ проведенъ въ залѣ дворянскаго собранія. Историческая записка объ университетѣ, прочтенная проф. Андреевскимъ, не въ состояніи была омрачить счастливаго настроенія, которое было принесено готовымъ публикою, составленной въ огромномъ большинствѣ изъ «дѣтей» университета. Чтеніе рескрипта, которымъ началось торжество, еще болѣе возвысило то настроеніе. Историческая записка съ напускнымъ восторгомъ, но безъ всякаго такта, утверждала предъ многочисленными депутаціями прочихъ высшихъ спе-

ціальныхъ учебныхъ учрежденій, что только университетъ дѣлаетъ насъ людьми, и депутаціямъ предоставлялось самимъ сообразить, чѣмъ дѣлають своихъ питомцевъ ихъ заведенія. Даже самъ читавшій эту записку, и преподающій въ другихъ специальныхъ заведеніяхъ, профессоръ Андреевскій, долженъ былъ считать себя оскорбленнымъ, но, вѣрный своей роли, торжественно произносилъ написанное не имъ. Та же записка съ горечью отозвалась о недавней эпохѣ университета, когда, съ новыми реформами нынѣшняго царствованія, университетъ обнаружилъ быстрый ростъ, между тѣмъ какъ юбилей былъ случаемъ возстановить истину во всей ея простотѣ. Но совѣтъ университета поручилъ изложить свою собственную исторію профессору монгольскаго языка г. Григорьеву, какъ будто гуманныя науки въ университетѣ представлены уже такъ дурно, что историка пришлось искать между ориенталистами!

Студентскій обѣдъ въ томъ же залѣ составлялъ самую оживленную, искреннюю и задушевную сторону всего торжества, и это понятно. Мы не поняли только, почему бывшіе студенты не могли найти распорядителей изъ своей среды, и въ концѣ каждаго стола сидѣли нынѣшніе профессора, не бывшіе студентами университета, на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщаются въ пансіонахъ гувернеровъ. Послѣ перваго тоста за Государя Императора, бывший студентъ, а нынѣ профессоръ Андреевскій, произнесъ тостъ за процвѣтаніе университета, предпославъ спичъ, навѣянный очевидно «Историческою запиской», относительно презрѣнія къ питомцамъ другихъ специальныхъ заведеній; намекая на благосостояніе другихъ питомцевъ, легко получающихъ мѣста и почетъ, онъ указалъ намъ на тернистый путь, которымъ пробираются университетскіе питомцы. Конечно, профессоръ Андреевскій, говоря такъ, не имѣлъ въ виду себя, но за то онъ на этотъ разъ могъ имѣть увѣренность, что его словъ не слышатъ его же питомцы другихъ специальныхъ заведеній, къ которымъ онъ отнесся съ такой отдаленною, но прозрачною ироніею.

Юбилейное торжество заключилось вечеромъ будущихъ «бывшихъ студентовъ» и обѣдомъ на слѣдующій день нынѣшнихъ профессоровъ и депутацій. Вечеръ, какъ и надобно было ожидать, прошелъ съ тѣмъ неподдѣльнымъ весельемъ, какимъ отличается молодежь вообще, а университетская въ особенности. Объ обѣдѣ мы не имѣемъ понятія, а участвовавшіе не сочли нужнымъ послать рефератъ въ газеты, какъ это водится въ другихъ странахъ, гдѣ любятъ, чтобы общество интересовалось всѣмъ, что касается университета.

Отъ исторической записки объ университетѣ легко перейти къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ зрѣлищъ современности, какое дала намъ, втеченіи карнавала, полемика между «Московскими Вѣдомостями» и «Вѣстью». Не знаю, быть можетъ, моему читателю нравились больше